

ПОГРЕБЕНИЯ ДОЯМНОГО ВРЕМЕНИ ГЕОРГИЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

© 2026

Санжаров С.Н.¹, Хромова О.В.²

¹Луганский государственный университет имени Владимира Даля (г. Луганск, Россия)

²Министерство культуры Луганской Народной Республики (г. Луганск, Россия)

Аннотация. На основе исследований курганных захоронений бронзового века Северского Донца выделено несколько археологических культур и культурных групп бронзового века. Однако источниковая база для изучения наиболее древних погребений эпохи позднего энеолита и ранней бронзы, маркирующих зарождение и утверждение в Подонцовье курганного обряда захоронений, малочисленна, слабо введена в научный оборот и недостаточно изучена. Два таких архаичных погребения недавно были выявлены при исследовании кургана 10 Георгиевского могильника и дают возможность более представительно произвести культурно-хронологический анализ редких местных памятников, предшествующих распространению ямной культуры. Одно (погребение 8) относится к позднему этапу энеолита и идентифицируется постмариупольской культурой территории степного Поднепровья и Северного Приазовья. Данные захоронения выделяются узкими овальными или прямоугольными могильными ямами с округленными углами, вытянутым на спине положением погребенных, ориентированных на восток с отклонениями. Специфическими являются наборы широких фигурных пронизей из кости. С захоронениями этой группы связан процесс утверждения и распространения курганного обряда захоронений на правом берегу среднего течения Северского Донца. Второе (погребение 5) представляет тип захоронений в прямоугольных ямах, в которых умершие с западной ориентацией уложены в скорченном положении на спине с руками вдоль туловища. Ноги согнуты коленями вверх с завалом влево. Захоронения данной группы характеризуют особенности сложения памятников эпохи ранней бронзы. Их обрядовые особенности лежали в основе переходных к раннему ямному периоду погребальных традиций и могли стать ведущими на этапе сложения ямной культуры. Для определения позиций рассматриваемых погребений в системе синхронных памятников обширной степной зоны Северного Причерноморья авторами произведены необходимые культурно-хронологические сопоставления и определено их место среди древностей позднего энеолита – раннего бронзового века.

Ключевые слова: Северное Причерноморье; Северский Донец; энеолит; эпоха ранней бронзы; курган; погребение; доямные древности; постмариупольская культура; хвалынская культура; ямная культура; майкопско-новосвободненские памятники.

THE BURIALS OF THE PRE-YAMNAYA TIME OF THE GEORGIEVKA BURIAL GROUND ON THE RIGHT BANK OF SEVERSKY DONETS RIVER

© 2026

Sanzharov S.N.¹, Khromova O.V.²

¹Lugansk Vladimir Dahl State University (Lugansk, Russia)

²Ministry of Culture of Lugansk People's Republic (Lugansk, Russia)

Abstract. Based on studies of the Bronze Age burial barrows of Seversky Donets basin, several archaeological cultures and cultural groups of the Bronze Age have been identified. However, the source base for studying the most ancient burial barrows of the Late Eneolithic and Early Bronze Ages, marking the origin and approval of the burial barrow rite in on the territory of the Seversky Donets basin, is small, poorly introduced into scientific circulation and insufficiently studied. Two such archaic burials were recently identified during the study of barrow 10 of the Georgievka burial ground and make it possible to more representatively carry out a cultural and chronological analysis of rare local antiquities preceding the spread of Yamnaya Culture. One (burial 8) belongs to the Late Eneolithic Stage and is identified by the Post-Mariupol Culture of the steppe Dnieper and Northern Azov regions. These burials are distinguished by narrow oval or rectangular grave pits with rounded corners, elongated on the back position of the buried, oriented to the east with deviations. Specific are sets of broad shaped bone penetrations. The process of approval and distribution of the burial barrows on the right bank of the middle course of the Seversky Donets River is associated with the burials of this group. The second (burial 5) represents the type of burials in rectangular pits in which the deceased with a western orientation are laid in a crouched position on their backs with their hands along the body. The legs are bent knees up with the blockage to the left. The burials of this group characterize the peculiarities of the composition of the antiquities of the Early Bronze Age. Their ritual features lay at the heart of the funeral traditions transitional to the Early Yamnaya Culture period and could become leading at the stage of the formation of Yamnaya Culture. To determine the positions of the burials in question in the system of synchronous antiquities of the vast steppe zone of the Northern Black Sea region, the authors made the necessary cultural and chronological comparisons and determined their place among the antiquities of the Late Chalcolithic-Early Bronze Age.

Keywords: Northern Black Sea region; Seversky Donets River; Eneolithic; Early Bronze Age; barrow; burial; Pre-Yamnaya Culture antiquities; Post-Mariupol Culture; Khvalynsk Culture; Yamnaya Culture; Майкоп-Novosvobodnaya antiquities.

Введение

В начале прошлого столетия на основе раскопок курганных древностей Северского Донца благодаря продуктивному применению типологического метода и стратиграфических наблюдений было доказано наличие на территории юга Восточной Европы палеометаллической эпохи, а при помощи классификационных основ – выделены ямная, катакомбная и срубная культуры бронзового века. Дальнейшие исследования в Подонцовье и анализ новых погребальных источников привели к вычленению донецкой раннекатакомбной общности раннего бронзового века, донецкой катакомбной культуры, памятников ингульской культуры, бахмутской культурной группы, сватовского варианта харьковско-воронежской культуры, погребений культуры многоваликовой керамики среднего бронзового века и донецких памятников покровского типа эпохи поздней бронзы.

Самые ранние курганные захоронения были включены в состав северскодонецкого варианта древнейшей культуры. В настоящее время в рамках ямной культуры Северского Донца отчетливые локальные отличия прослежены на левобережье в Осколо-Деркульском междуречье, а на правом берегу – в массивах Луганской и Бахмутско-Берекской группировок.

Между тем, наиболее древние доямные донецкие погребения эпохи позднего энеолита – ранней бронзы, с которыми связано начало практики курганного обряда захоронений, остаются недостаточно изученными и лишь изредка опубликованы. Среди них выделяются основные курганные захоронения раннего бронзового века александровского типа со скорченными костяками с южной ориентировкой, иллюстрирующие майкопско-новосвободненские традиции. Небольшая группа представлена основными постмариупольскими позднеэнеолитическими погребениями с вытянутыми костяками, ориентированными на северо-восток, и захоронениями со скорченными на спине костяками с коленями вверх с западной ориентацией.

Два древнейших погребения доямного времени недавно выявлены в кургане 10 у Георгиевки в бассейне реки Лугани и в настоящей статье вводятся в научный оборот. Для определения позиций рассматриваемых захоронений в системе синхронных памятников обширной степной зоны Северного Причерноморья авторами произведены необходимые культурно-хронологические сопоставления и определено место новых материалов в системе степных древностей. *Целью* статьи является систематизация и интерпретация источниковой базы по доямным древностям Северского Донца на фоне подкурганных захоронений позднего энеолита – ранней бронзы из Георгиевского могильника.

Материалы и обсуждение

В полевой сезон 2021 г. экспедиция Луганского краеведческого музея произвела раскопки четырех курганов (9, 10, 11 и 12) в составе могильника на восточной окраине п.г.т. Георгиевка Лутугинского района Луганской Народной Республики. Весной и летом были раскопаны курганы 11 и 12, а осенью – курганы 9 и 10. Из всех исследованных погребений эпохи энеолита и бронзы особый интерес представляют два достаточно редких захоронения (погребения 5 и 8) кургана 10, относящиеся к доямному периоду энеолита – бронзового века бассейна Северского Донца.

Охранные раскопки курганов 9 и 10 осуществлялись в зоне строительства животноводческого комплекса на основании открытого листа № 05/21-ОП от 08.10.2021 г., выданного Министерством культуры, спорта и молодежи ЛНР на имя О.В. Хромовой. Полевая документация, находки и итоговый отчет переданы на хранение в Луганский краеведческий музей [1].

Курганная группа из 12 насыпей расположена на расстоянии 1 км к юго-востоку от п.г.т. Георгиевка (рис. 1: А). Могильник растянут цепочкой с юго-востока на северо-запад на вершине гребня высокого водораздельного плато между балками Широкая и Коноплянская юго-восточнее русла реки Ольховая – правобережного притока Лугани. Все насыпи в плане округлой формы, распаханы, сложены из чернозёма и отдельных камней песчаника. На момент раскопок задернованы. Их средние диаметры от 10 до 60 м, высоты – 0,5–4,5 м. Исследованные курганы 9 и 10 входили в состав крайней юго-восточной части могильника (рис. 1: Б).

Насыпь кургана 10 сильно деформирована распашкой, сохранив округлую форму. Её диаметр около 30 м, высота от современной поверхности 1 м. Из исследованных 9 погребений два (погр. 5 и 8) отнесены к эпохе энеолита – ранней бронзы, четыре – к катакомбной культуре среднего бронзового века (погр. 3, 4, 6, 7), два – к позднему бронзовому веку (погр. 1 и 9) и одно – не определено (погр. 2).

Основным и центральным являлось погребение 8, совершенное с уровня древнего горизонта. Первичная насыпь из коричневого гумуса имела полусферическую форму диаметром около 8 м и в высоту достигала 0,9–1 м. Позднее в центральную часть насыпи, впритык к юго-западу от могильной ямы основного захоронения 8, осуществлён впуск погребения 5. Досыпка первичного кургана, связанная с совершением впускного захоронения 5, не прослежена. Дальнейшее формирование кургана происходило после совершения впускных катакомбных захоронений и погребений позднего бронзового века (рис. 2: А, Б).

Основное захоронение 8 совершено в прямоугольной могильной яме (1,83 × 0,92 м), ориентированной с юго-запада на северо-восток. Глубина дна от уровня древнего горизонта 0,63 м (1,88 м от репера на вершине кургана). Ко дну яма слегка сужалась до размеров 1,77 × 0,82 м. Заполнение состояло из смешанного грунта и фрагментов дерева от перекрытия.

Погребение имело двухуровневое (ярусное) устройство. На уровне средней глубины могилы (0,3–0,35 м от древнего горизонта) на слегка уплощённом заполнении находился костяк 1, принадлежащий взрослому человеку, ориентированному на северо-восток и размещённому в вытянутом положении на спине. В процессе

просадки грунта заполнения череп погребенного развернулся влево. Правая рука разрушена входной шахтой катакомбного погребения 7. Кости таза и нижних конечностей уничтожены ямой впускного погребения 5. У левого локтя сохранилось небольшое белое пятно растительной подстилки (рис. 3: А).

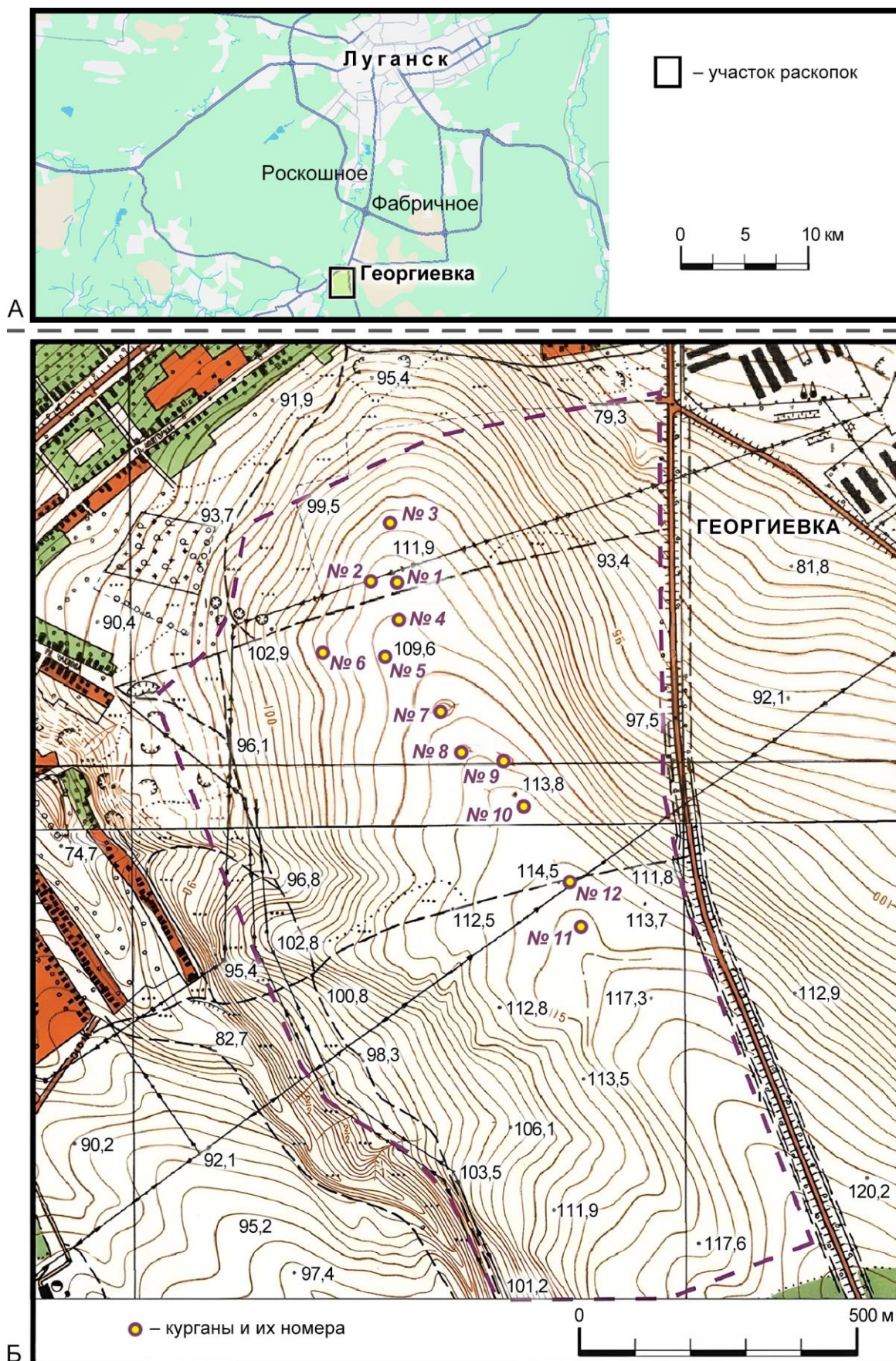

Рисунок 1 – Геотопографическая привязка объекта: А – курганный могильник у п.г.т. Георгиевка в бассейне Лугани; Б – схема размещения курганов в Георгиевском могильнике

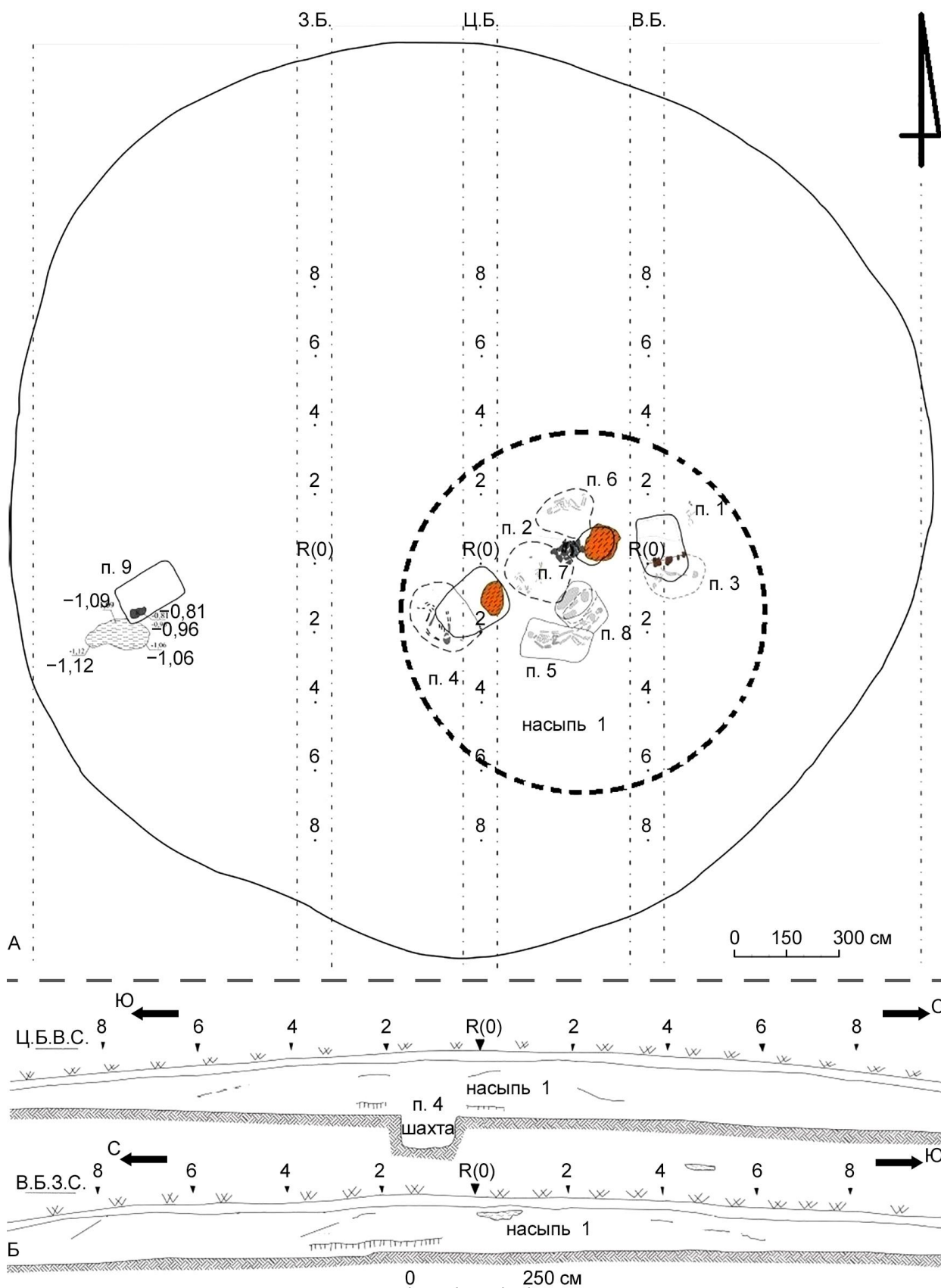

Рисунок 2 – Георгиевский могильник: *А* – общий план кургана 10; *Б* – профили бровок кургана 10

На дне могилы под костяком 1 размещался костяк 2 нижнего уровня (яруса) захоронения. Взрослый погребенный, ориентированный на северо-восток, уложен в вытянутом положении на спине с руками вдоль туловища. Локтевая и лучевая кости, кисть правой руки отсутствовали. Череп, корпус и бедра обильно посыпаны порошком красной охры. У левого изголовья и кисти левой руки фиксировался белый тлен от подстилки (рис. 3: *Б*).

Впускное погребение 5 совершено в центральную часть первичного кургана и разрушило юго-западный угол конструкции основного захоронения.

Могильная яма в плане прямоугольной формы (1,8 × 1,15 м) ориентирована по линии юго-восток-восток-северо-запад-запад. Стенки почти вертикальные. Заполнение состояло из смешанного грунта и фрагментов дерева от перекрытия. Дно устроено на 0,16 м выше уровня дна основного захоронения на глубине 1,72 м от репера.

Костяк взрослого человека, ориентированный на северо-запад-запад, размещён корпусом на спине с подогнутыми вверх коленями, завалившимся влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Колени и стопы обильно посыпаны порошком красной охры. На дне прослежена подстилка из белого растительного тлена.

Справа у изголовья аккуратным скоплением уложены кремневый нож, прямой бронзовый стержень, составное дуговидное орудие из рогового держака и изогнутого бронзового стержня, пять кремневых наконечников стрел, заготовки кремневых наконечников стрел, отщепы, обломки и аморфное изделие из охры (рис. 4: А).

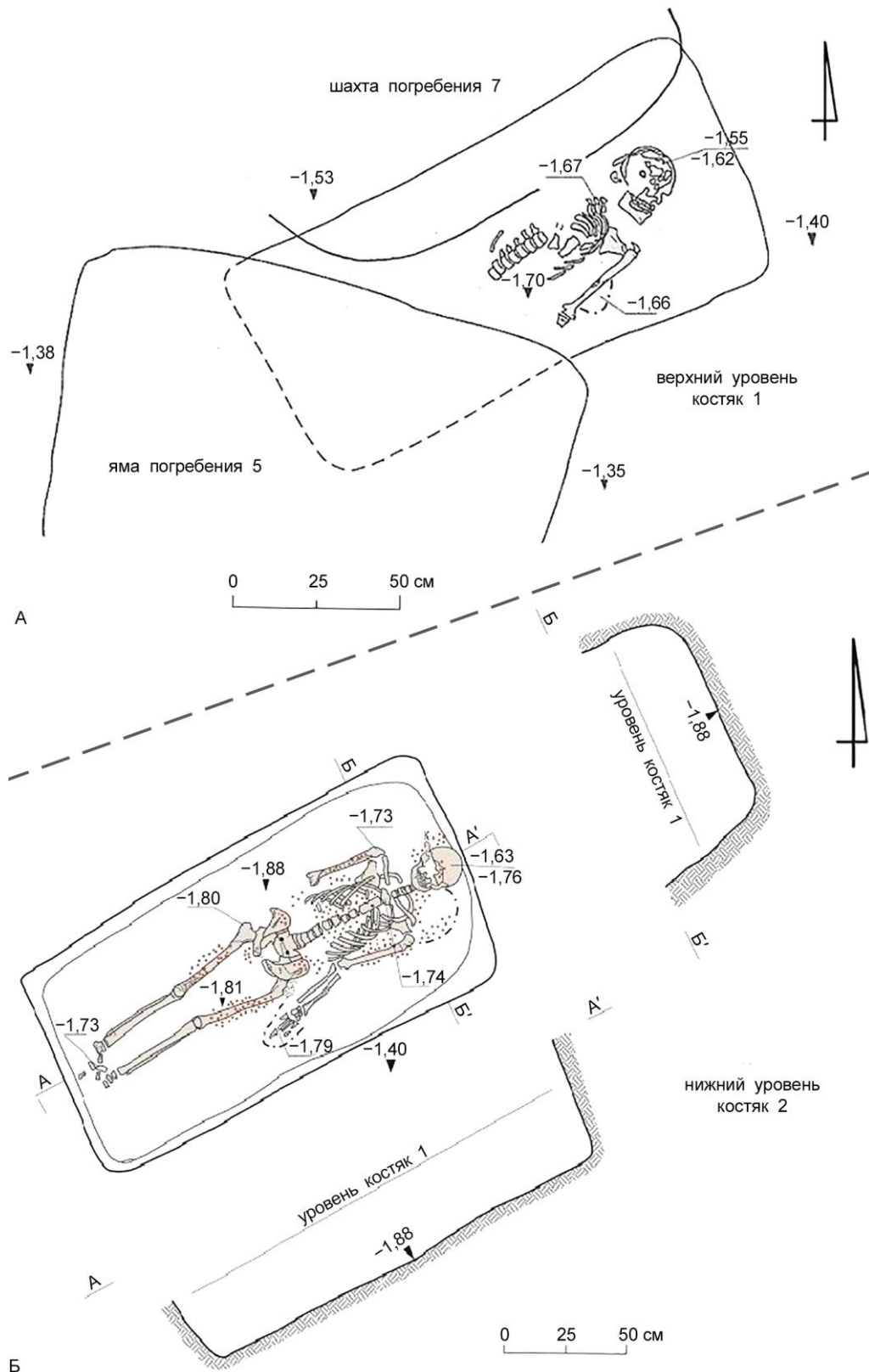

Рисунок 3 – Георгиевский могильник, кург. 10, погр. 8:

А – верхний уровень ярусного погребения; Б – нижний уровень ярусного погребения

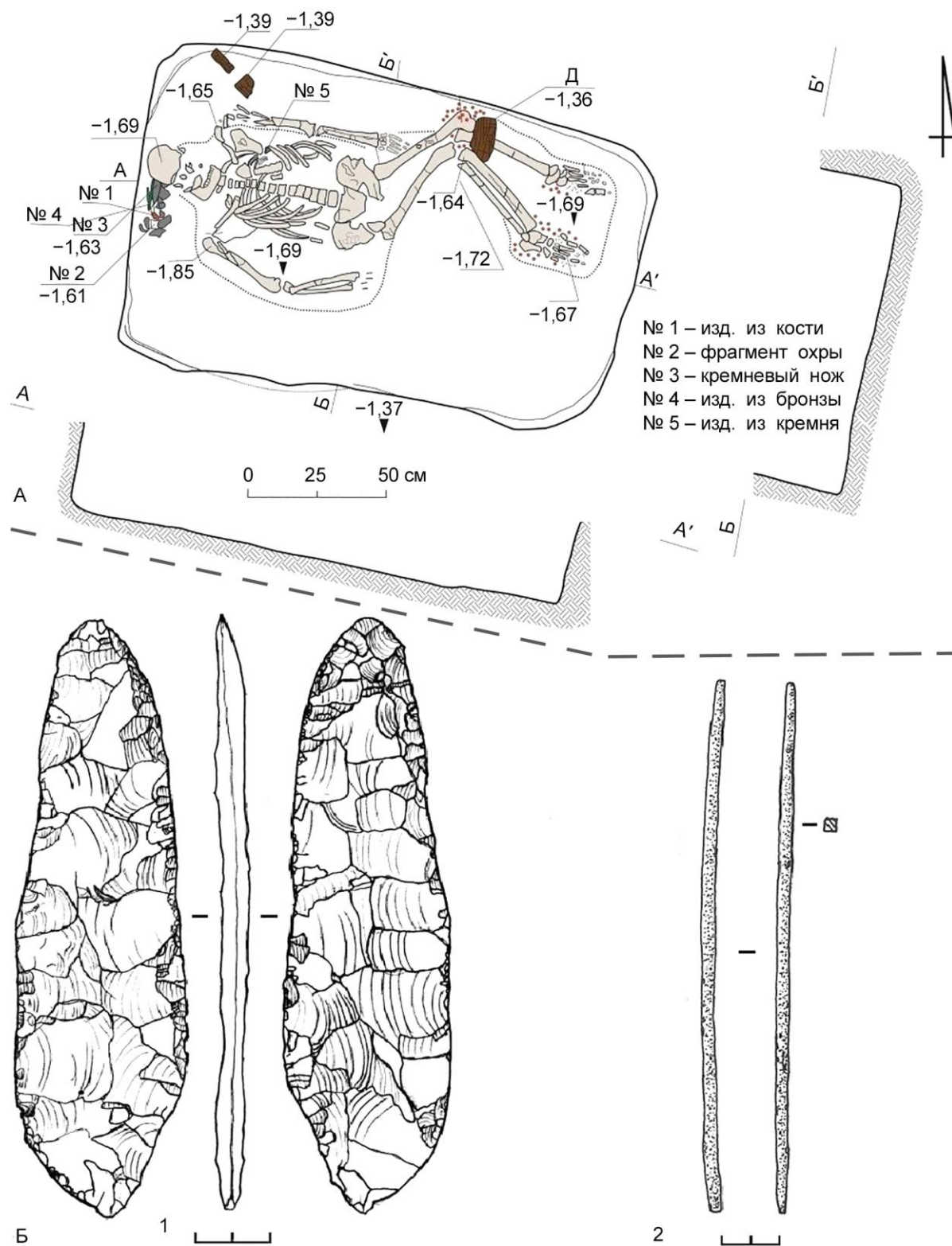

Рисунок 4 – Георгиевский могильник, кург. 10, погр. 5:
 А – план и разрез погребения 5; Б – находки (1 – кремневый нож; 2 – бронзовый стержень)

1. Кремневый нож удлиненно-ромбической формы на крупной пластине, полученной усиленным отжигом. Изделие сформировано широкими поперечными и встречными сколами, уплощающими заготовку. Периметр обработан разновеликой мелкой ретушью. В основании создан слабо выделенный подтреугольный черешковый выступ. Кремень серый с включением глинистых минералов и белёсыми вкраплениями. Размеры – 15,4 × 4,1 × 0,7 см. Черешок – 2,4 × 3,2 см (рис. 4: Б1).

2. Бронзовый четырёхгранный стержень с притуплёнными окончаниями. Размеры – 17,4 × 0,4 см (рис. 4: Б2).

3. Три кремневых черешковых наконечника стрелы треугольной формы со слабовыраженным плавным переходом в острую часть. В сечении линзовидные. Черешки подтреугольные. Поверхность обработана уплощающей струйной ретушью. Периметры имеют зубчато-выемчатые очертания. Изготовлены из серого кремня с вкраплениями глинистых минералов. Средние размеры – 4 × 2 × 0,35 см. Черешки – 0,8 × 1 см (рис. 5: 2–4).

4. Два треугольных кремневых наконечника стрелы с ровным основанием. В сечении линзовидные. Изделия обработаны уплощающей струйной ретушью. Периметры острой части имеют выраженные зубчато-выемчатые очертания. Изготовлены из серого кремня с включением глинистых минералов. Размеры – $2 \times 1,9 \times 0,55$ см и $1,7 \times 1,9 \times 0,35$ см (рис. 5: 5, 6).

5. Заготовки кремневых наконечников стрел на отщепках и сколах (31 экз.). По периметру заготовок сколы-сломы сформировали подтреугольный или подовальный корпус изделий, совпадающий с продольной осью. Нередко наблюдается формирование острых частей и черешковых выступов, применение невыразительной полукрутой и крутой ретуши по периметру заготовок. Изготовлены из серого кремня с включением глинистых минералов. Средние размеры – $4 \times 3,3 \times 0,9$ см.

6. Подовальные и подокруглые отщепы (16 экз.), которые могли служить как заготовками, так и быть отходами производства. Корпуса изделий двусторонне уплощены крупными сколами, полукрутой и крутой ретушью. Использован серый кремень с включением глинистых минералов. Средние размеры – $4 \times 3,3 \times 0,9$ см.

7. Осколки и обломки (8 экз.). Корпуса двусторонне уплощены сколами, полукрутой и крутой ретушью. Использован серый кремень с включением глинистых минералов. Средние размеры – $2 \times 1,5 \times 0,4$ см.

8. Аморфное изделие из красной охры. Размеры – $11,3 \times 1,3$ см.

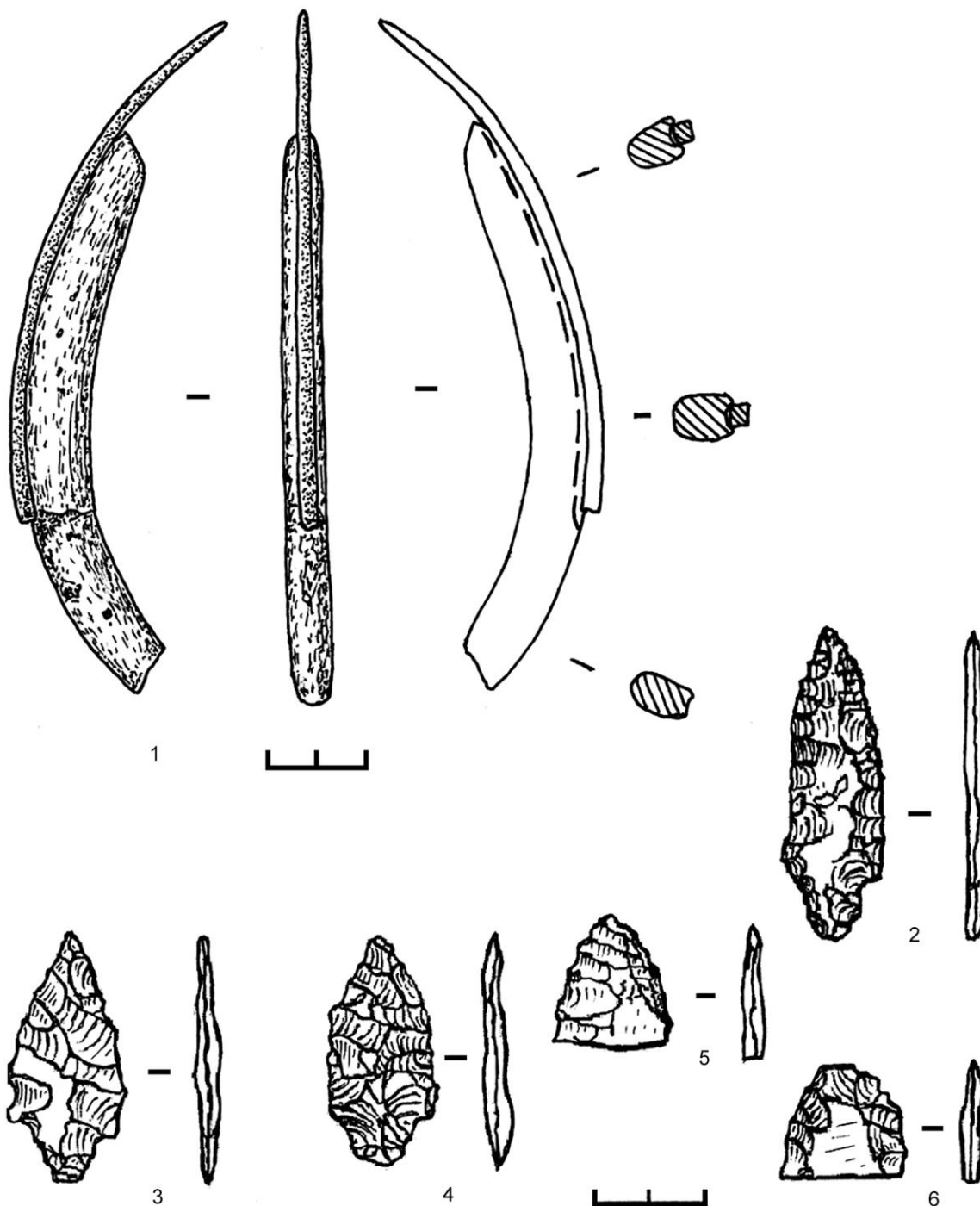

Рисунок 5 – Георгиевский могильник, кург. 10, погр. 5: 1 – составное дуговидное орудие; 2–4 – черешковые наконечники стрел; 5, 6 – треугольные наконечники стрел

Погребение 8 из кургана 10 Георгиевского могильника маркирует выразительную небольшую группу основных подкурганых захоронений правобережья Северского Донца, совершённых в узких прямоугольных ямах незначительной глубины (около 0,6–0,7 м), с вытянутыми на спине костяками взрослых, ориентированных на северо-восток.

Впервые группа основных вытянутых захоронений Подонцовья была зафиксирована и выделена В.А. Городцовым в начале XX столетия после масштабных раскопок курганов в Изюмском и Бахмутском уездах в качестве наиболее ранних ямных погребений «Донецко-Бахмутского края». Исследователь включил в данную группу 7 погребений – 3 захоронения из раскопок 1901 г. (Каменка, Ковалёвка и Шпаковка) и 4 захоронения из раскопок курганов в 1903 г. (Радионовка, Переездная и Ступки). В числе отличительных признаков выделенной группы были названы основной характер в курганах, неглубокие узкие ямы с деревянным перекрытием, размещение умерших в вытянутом положении на спине, восточная и северо-восточная ориентировки, посыпка красной охрой черепов, груди, стоп и дна могил, редкий погребальный инвентарь, состоящий из бронзовых бусин, кремневых наконечников стрел, ножей, скребков, ножевидных пластин и осколков. В.А. Городцов атрибутировал данные погребения бронзовой эпохой и отнес их «к числу древнейших в металлический период Южной России» [2, с. 216–218].

В конце прошлого столетия аналогичные основные захоронения с вытянутыми костяками, ориентированными на северо-восток, на территории правобережья Северского Донца выявлены под каменным закладом у Ивано-Дарьевки (кург. 1, погр. 5) на реке Бахмут [3, с. 56, рис. 12], около Бирюково (кург. 1, погр. 5) на реке Кондрючья [4, с. 169, рис. 96: 5] и в центре ровика с камнями вблизи Кондратовки на реке Казённый Торец (кург. 2, погр. 1). В погребении из Кондратовки найдены 36 костяных узких пронизей-бусин из трубчатых костей животных с небольшими непарными полуотверстиями (одно сверху, два снизу) [5, с. 48–49, 67, рис. 12: 1, 4–6].

Одно подобное основное захоронение известно и в Донецком Приазовье у Новоандреевки (кург. 4, погр. 2). Оно совершено в большой прямоугольной яме и содержало 4 вытянутых на спине костяка (два взрослых и два детских), ориентированных на востоке. На одном из детских костяков найдены 15 пронизок из рёбер животных крестовидной формы с боковыми парными вырезами [6, с. 83, рис. 27: 5].

В культурном отношении группа основных вытянутых захоронений с северо-восточной ориентацией костяков правобережья Северского Донца, насчитывающая 11 погребений, идентифицируется с пластом основных подкурганых энеолитических погребений с вытянутыми костяками, ориентированными в восточном направлении, совершённых в неглубоких овальных ямах. Их значительная концентрация наблюдается в сопредельном с правобережным Средним Подонцовьем Орельско-Самарском междуречье и на территории Северо-Западного Приазовья.

Погребения Северского Донца с вытянутыми костяками из раскопок В.А. Городцова были включены И.Ф. Ковалевой в позднеэнеолитическую постмариупольскую культуру [7, с. 4–50; 8, с. 50–68; 9, с. 21–22]. Первичные курганы над основными постмариупольскими погребениями отличаются сравнительно небольшими размерами – диаметры от 8 до 20 м, высоты от 0,8 до 1,5 м. В редких случаях их окружают кольцевидные ровики. Захоронения выделяются узкими овальными или прямоугольными могильными ямами с округленными углами, вытянутым на спине положением умерших, ориентированных на восток с отклонениями на северо-северо-восток или юго-восток, локальной посыпкой порошком красной охры черепов, грудной клетки и конечностей, отсутствием керамики, находками изделий из охры различной формы, лимитированным составом погребального инвентаря из каменных и кремневых изделий, мелких трубчатых пронизей из тонкого медного листа. Специфическими являются наборы широких фигурных пронизок из рёбер животных восьмикрестовидной (две парные прорези) или крестовидной (четыре прорези) формы с сегментовидными вырезами. К редким категориям инвентаря относятся медные обоймы [7, с. 25, рис. 4: 5, 6], имеющие аналогии как в донецких позднеэнеолитических захоронениях (Александровск, кург. 9, погр. 40) [10, с. 37, рис. 6: 5], так и в погребениях майкопской культуры, что позволяет соотнести массив вытянутых захоронений Поднепровья с хронологией майкопских древностей в общих рамках IV тыс. до н.э. [10, с. 49].

В границах обширного Волго-Днепровского региона И.Ф. Ковалёва разделила постмариупольские захоронения на два этапа и синхронизировала с дошнуровым периодом среднестоговской культуры (ранний этап), позднетрипольской и раннеямной культурами (поздний этап) и датировала всю группу достаточно большим временным интервалом – в пределах конца IV – первой половины III тыс. до н.э. [7, с. 44–49], эпохой «деструкции азово-днепровского культурного единства», верхние хронологические рамки которой растянуты до времени классического «городцовского» этапа ямной культуры [11, с. 68–70].

Позднее Д.Я. Телегин состыковал хронологические рамки постмариупольской культуры с нижнемихайловской и среднестоговской и включил ее в самостоятельную «днепро-донецкую – постмариупольскую» линию культурно-исторического развития населения Азово-Черноморского региона, берущую начало в пределах Поднепровья от ранних памятников днепро-донецкой культурной общности и заканчивающуюся распространением постмариупольских и новоданиловских энеолитических древностей. Зарождение постмариупольских памятников исследователь отнес к середине второй половины IV тыс. до н.э., а окончание – довел до времени появления позднеямного населения [12, с. 66–67].

На территории Северо-Западного Приазовья сопоставимые основные захоронения в неглубоких овальных ямах с вытянутыми костяками, ориентированными на восток, в курганной стратиграфии предшествуют ямным погребениям со скорченными на спине или боку костяками с восточной и южной ориентацией и отнесены к наиболее ранним местным курганным древностям [13, с. 37–38]. В общую зону распространения вытянутых погребений Ю.Я. Рассемакин включил Северное Приазовье, Правобережье Днепра, Орельско-Самарское междуречье и бассейн Северского Донца. Одной из особенностей рассматриваемых захоронений является почти полное отсутствие керамики. О культурной принадлежности находок редких устойчивых типов сосудов у исследователей отсутствуют общие позиции – их атрибутируют как катакомбной и кеми-обинской куль-

турами, так и относят к нижнемихайловским и среднестоговским памятникам [13, с. 38–39]. Определить конкретный культурно-хронологический диапазон группы вытянутых погребений в рамках энеолитической эпохи из-за почти полного отсутствия керамики достаточно проблематично, поэтому Ю.Я. Рассамакин отнес их лишь к числу раннеэнеолитических [13, с. 40; 14, с. 18]. В целом данные древности являются наиболее ранними подкурганными и составляют «одно из звеньев в цепи развития степных энеолитических культур», имеют ранние и поздние особенности и достаточно условно датируются концом IV – первой половиной III тыс. до н.э. [13, с. 38–40].

Несколько отличается группа основных вытянутых захоронений правобережья Северского Донца от вытянутых погребений Орельско-Самарского междуречья и Северо-Западного Приазовья использованием прямоугольных могильных ям, ориентацией костяков исключительно на северо-восток и позднейшими типами узких костяных пронизей-бусин (Кондратовка, кург. 2, погр. 1), изготовленных не из рёбер, а трубчатых костей животных, имеющих непарные полуотверстия.

Восьмерковидные и крестовидные фигурные пронизы из ребер животных из энеолитических вытянутых погребений Орельско-Самарского междуречья и Северо-Западного Приазовья можно рассматривать в качестве одного из хронологических признаков всей данной группы захоронений [13, с. 39; 14, с. 18], что дает возможность синхронизировать разнотерриториальные памятники. В этой связи заслуживает внимание захоронение с набором аналогичных крестовидных фигурных пронизей из ребер животных (37 шт.), выявленное в Крыму на территории Северного Присивашья близ Танкового (кург. 9, погр. 15) в овальной могильной яме. Погребенный находился в скорченном положении на спине и был ориентирован на юго-восток-восток. Череп развернут влево. Ноги согнуты под прямым углом и уложены на левую сторону. Левая рука согнута и кистью направлена к лицу, правая – уложена поперек корпуса. Погребение являлось основным и обнаружено в центре подкурганного пространства [15, с. 198–200, рис. 75: 2, 7]. По обрядовым признакам данное захоронение Ю.Я. Рассамакиным включено в число нижнемихайловских и на основе находок фигурных пронизей синхронизировано с группой вытянутых костяков [14, с. 18].

Донецкие пронизы из Кондратовки несколько другого типа – из трубчатых костей с круглыми непарными и несимметричными полуотверстиями (одно сверху, два снизу). Не исключено, что подобные им могли быть позднейшим хронологическим индикатором погребений с вытянутыми костяками правобережья Среднего Подонцовья, вероятно, уже в рамках окончания позднеэнеолитического периода.

В качестве иллюстрации наличия определенной культурной преемственности весьма примечательна находка медных плоских пронизей с боковыми сегментовидными прорезями, полностью дублирующих форму крестовидных костяных пронизок из погребений с вытянутыми костяками, в составе наборного браслета в захоронении на правом берегу Подонцовья на реке Казенный Торец у Октябрьского (кург. 3, погр. 5) [16, с. 36, рис. 7: 11]. Захоронение являлось основным в кургане и совершено в овальной яме. Погребенный размещен в скорченном положении на спине и ориентирован на восток. Руки разведены в локтях и уложены вдоль корпуса, ноги – коленями направлены вверх и распались в виде фигуры ромба. Костяк и дно могилы обильно посыпаны порошком бурой охры. Сверху на левой руке находился большой сосуд с яйцевидным корпусом и высокой желобчатой растробной шейкой, орнаментированной косыми прочерками в сетку [16, с. 41, рис. 9: 1, 2]. Данный сосуд представляет тип раннеямной (репинской) керамики [10, с. 49], имеет аналогии среди посуды среднего слоя Михайловского поселения и сопоставим с керамическим типом Быково-Бережновка из Поволжья [17, с. 8–9].

На территории Подонцовья и Нижнего Подонья близкие по типу костяные пронизы крестообразной формы в составе наборных украшений в качестве позднейших реплик доживают до эпохи средней бронзы и известны из катакомбных погребений у Майдана (кург. 1, погр. 7) [18] и могильника Октябрьский II (кург. 5, погр. 12) [19, с. 294, рис. 6: 7].

Все ранние подкурганые вытянутые захоронения Северского Донца были включены Н.Я. Мерпертом в первую хронологическую группу северскодонецкого варианта древнеямной культуры [20, с. 26–27]. Но в границах доńskiego варианта древнеямной культуры такие захоронения уже составляют ранние памятники второй хронологической группы [20, с. 25]. В.Я. Кияшко погребения с вытянутыми костяками в неглубоких прямоугольных ямах, иногда с каменными закладами и кольцевыми ровиками, отнес ко второй группе энеолитических курганных захоронений Нижнего Дона с оговоркой о том, что граница понятий энеолит и ранний бронзовый век для местных древностей достаточно условна [21, с. 12, 14].

Вытянутые захоронения с восточной ориентировкой, наряду со скорченными на спине, А.В. Файферт относит к древнейшей первой обрядово-стратиграфической группе курганных захоронений эпохи энеолита – ранней бронзы Нижнего Подонья и отмечает проблему неопределенности первенства вытянутых или скорченных костяков. В инвентаре вытянутых захоронений правобережья Нижнего Дона отмечена керамика майкопского типа [22, с. 478–480; 23, с. 62, 100–101].

Захоронения с вытянутым на спине положением погребенных, ориентированных на восток, юг и север, степного Прикубанья В.А. Трифонов сопоставляет с группой вытянутых захоронений Северного Приазовья, включает их в поздний массив местных энеолитических древностей и синхронизирует с позднесреднестоговскими памятниками и нижним слоем Михайловского поселения [24, с. 104].

Нахождение двух костяков в аналогичной позе на различных уровнях могильной яме основного погребения 8 из кургана 10 Георгиевского могильника являются свидетельством существования практики одновременных разноуровневых (ярусных) захоронений, восходящей к особенностям локальной погребальной традиции мариупольской культурно-исторической общности. Отчетливо обряд устройства так называемых ярусных захоронений прослежен в грунтовом неолитическом могильнике днепро-донецкой (азово-днепровской) культуры мариупольской общности «Госпитальный холм» близ Залинейного на реке Орель, где в общем ряде костяков, направленном с юга на север, наблюдается группирование нескольких погребенных, ориентирован-

ных на восток или запад, в ярусность, «предполагающая размещение останков в одну хорошо обозначенную могилу». Положение и состояние скелетов ярусных погребений могильника «Госпитальный холм», как считает И.Ф. Ковалева, указывают на их преднамеренность, целенаправленность и одновременность [25, с. 31–34].

Как одна из древнейших особенностей погребального обряда ярусный характер захоронений присущ и энеолитическому Хвалынскому могильнику, расположенному на высокой возвышенности правого берега нижнего течения Волги. На площади могильника скорченные на спине, в сидячей позе или на боку погребенные, ориентированные на северо-восток, север или северо-запад, размещены не в общем ряду, а компактной группировкой в слое желто-коричневого гумусированного суглинка без четких контуров могильных ям (изредка фиксировались ямы овальной формы). Из 158 костяков 60 принадлежали многоярусным погребениям – большинство из них находилось в виде скоплений от 2 до 5–7 костяков в 2–3 ряда под каменными закладами в наиболее высоком геометрическом центре возвышенности с грунтовыми могилами.

В Хвалынском могильнике отмечены не только случаи одновременных совместных захоронений в 2–3 яруса (погребения 17–19, 37–39, 44–48 и др.), но иногда многоярусность захоронений являлась следствием сосредоточения мужских, женских и детских костяков, представляющих особую социальную ячейку родового коллектива, друг над другом в процессе подзахоронений, поскольку часть костяков в этих скоплениях находилась во вторичном залегании или в порядке, имитирующем анатомию скелетов – погребения 95–100, 126–130 и др. (во вторичном залегании находилось 8 костяков и два – в положении, имитирующем анатомическое правильное). Внешним указателем нахождения совместных ярусных погребений на поверхности грунтового могильника выступали каменные заклады и наброски над ними [26, с. 10–66, 75–81]. Исследователи не исключают вероятность сосуществования, а значит и возможность взаимопроникновения отдельных культурных традиций, населения поздней мариупольской и ранней хвалынско-среднепобовской культурных общностей [27, с. 57–58].

Ярусный характер совместных погребений продолжал практиковаться в Поднепровье и в Северном Крыму в эпоху ранней бронзы. Например, среди курганных захоронений раннего бронзового века он зафиксирован на правом берегу нижнего течения Днепра у Марьянского (кург. 6, погр. 9). Здесь во впускном захоронении раннего бронзового века (основное погребение представлено прямоугольной ямой с небольшими заплечиками, костяк в скорченном положении на спине с западной ориентировкой) в узкой прямоугольной яме размером 2,2 × 1 м в заполнении и на дне друг над другом выявлено три одновременных вытянутых костяка взрослых, ориентированных на юг [28, с. 124, рис. 26: 3]. Определенные реплики традиции практики ярусных захоронений прослежены в погребальной обрядности катакомбных племен, широко использовавших обычаи подзахоронений в камеры катакомб, отодвигая к стенкам кости ранее умерших и размещая на освобожденной площади новых погребенных [29, с. 56]. В ранней крымской катакомбе в Северном Прииславье близ Рисового (кург. 1, погр. 70), содержащей три скорченных на правом боку костяка, костяк Б в процессе подзахоронения был уложен непосредственно над костяком В (останки нижнего костяка были слегка повреждены) на 0,25 м выше уровня дна камеры [15, с. 132, рис. 50].

Если традиционно могильные ямы с совместными погребениями эпохи энеолита – бронзы степной зоны Северного Причерноморья отличаются более крупными размерами, то в случаях с многоуровневыми (ярусными) одновременными захоронениями такие отличия отсутствуют.

На правом и на левом берегу среднего течения Северского Донца встречены единичные случаи вытянутых захоронений в ямах с западной ориентировкой костяков. В том же кургане 1 у Ивано-Дарьевки в центр первичного кургана был осуществлен впуск погребения 16 в прямоугольной яме с вытянутым костяком с западной ориентировкой (правая рука согнута и кистью уложена у подбородка) [3, с. 16, 64, рис. 20: 1, 2]. В Сватовском могильнике основное погребение (кург. 3, погр. 5) в прямоугольной яме содержало вытянутый костяк с западной ориентировкой и было на уровне древнего горизонта окружено кольцеобразным ровиком [30, с. 176, рис. 44: 1, с. 178, рис. 46: 1, 2]. Два основных погребения в прямоугольных ямах у Вербовки (кург. 10, погр. 1 и кург. 11, погр. 3) имели вытянутые костяки, ориентированные на юго-запад [31, с. 175, рис. 110, с. 188, рис. 119: 3].

Практика каменных закладов и кольцевых ровиков, отмеченная в Подонцовье у Ивано-Дарьевки (кург. 1, погр. 5) и Кондратовки (кург. 2, погр. 1), в регионе Нижнего Дона более выражена, характеризует доянные курганные традиции и продолжает существовать вплоть до раннего ямного этапа. Здесь же среди наиболее древних захоронений раннего этапа ямной культуры бронзового века, наряду с доминированием ориентировок на восток и северо-восток, имеют место и зеркальные направления на запад и юго-запад [22, с. 477–478, 480; 23, с. 89]. Примечательно, что в группе нижнедонских вытянутых захоронений с западной ориентировкой костяков начинают появляться признаки, отчетливо прослеживаемые уже на развитом и позднем этапах ямной культуры – прямоугольные ямы больших размеров со значительными глубинами дна.

Впускное захоронение 5 из кургана 10 Георгиевского могильника представляет тип погребений в прямоугольных ямах, перекрытых деревянными заслонами, в которых умершие с западной ориентацией уложены в скорченном положении на спине с руками вдоль туловища. Ноги согнуты коленями вверх с завалом влево. Отмечена посыпка порошком охры колен и стоп.

Скорченное размещение умерших на спине, ориентированных на восток или на запад, в бассейне Северского Донца в большей степени характерно для основной массы погребений ямной культуры. В курганных могильниках Донецкого левобережья (Сватово, Кременная, Невское, Райгородка) и правобережья (Александровск, Лисичанск, Астахово) скорченные на спине костяки ориентированы на запад. Большинство костяков в ямных погребениях Октябрьского могильника ориентировано на восток. В курганах у Красной Зари и Голубовского отмечено использование в ямных захоронениях ориентировок как на восток, так и запад [32, с. 134–135]. Основную специфику ямных погребений левобережья в междуречье Оскола и Деркула составляет исключительно западная ориентация умерших [33, с. 53].

Массив погребений ямной культуры правого берега Северского Донца С.Н. Братченко разделил на две части. В культурном отношении «Луганскую Северскодонецкую» группу, в которой доминирует восточная ориентация скорченных костяков, он связал с ямными традициями Нижнего Подонья, а «Бахмутско-Бережскую» группу с преобладанием в ориентации западного направления – с традициями ямных племён Надднепровско-го региона [34, с. 211–214].

В среде ямных захоронений со скорченными костяками региона Нижнего Подонья, ориентированных на восток или запад, к ямной (ранней, развитой и поздней) культуре А.В. Файферт относит только те погребения, из которых происходят репинская керамика и округлодонные сосуды со шнуровой ориентацией (7–9 обрядово-стратиграфические группы). Остальные – к обрядовым доямным группам [22, с. 480–489; 23, с. 62]. В составе захоронений 2 и 4 групп доямого периода обрядовые признаки недостаточно устойчивы, но обе группы характеризуются скорченными костяками на спине с коленями вверх, т.е. позами, которые станут ведущими для раннеямной культуры. В большей степени впускное погребение из Георгиевки сопоставимо с захоронениями 4 обрядово-стратиграфической группой с западной ориентацией костяков [22, с. 481; 23, с. 63]. Основное количество ямных погребений Нижнего Подонья со скорченным размещением умерших на спине с западной ориентировкой, по данным А.В. Кияшко, приходится на центральную и южную части региона [35, с. 26–27, 42, рис. 7].

Кремневый нож удлиненно-ромбического типа на длинной и широкой пластине из производственного набора (рис. 4: Б1) впускного захоронения 5 из Георгиевки формой и техникой изготовления тяготеет к энеолитическим стандартам кремнеобрабатывающей индустрии. Аналогичное изделие на массивной пластине удлиненно-ромбической формы происходит из энеолитического погребения 13 на участке курганов 7А–7Б Александровского могильника на реке Лугань [36, с. 26, рис. 9: 3].

Среди кремневых орудий эпохи ранней бронзы ножи на длинных пластинах составляют особую категорию и встречаются достаточно редко. Обычно в этот период для их изготовления использовались крупные отщепы. В составе находок среднего (древнеямного) и верхнего (позднеямного) слоёв Михайловского поселения на Нижнем Днепре встречены преимущественно одиночные фрагменты коротких и толстых ножей на пластинах длиной до 13 см. Только единичные экземпляры имели удлиненно-ромбическую форму [37, с. 122–123, табл. XX: 2]. Среди материалов нижнего доямого слоя Михайловского поселения орудия труда на длинных пластинах встречаются, но только эпизодически [38, с. 91]. На Нижнем Дону преобладающей в эпоху ранней бронзы являлась отщеповая техника – в комплексах донской группы встречена лишь одна ножевидная пластина [22, с. 487]. Изделия типа ножей-наконечников дротиков удлиненно-ромбической формы отмечены в Нижнем Подонье в составе клада кремневых орудий раннего бронзового века на поселении «Дюнное-5» у станицы Старочеркасской [39, с. 49, рис. 5: 3]. Они изготовлены на массивных отщепах и в длину достигают 8–10 см.

В Северном Приазовье более поздние типы кремневых ножей удлиненно-ромбической формы с выраженными выступающими боковыми краями в месте перехода лезвия в черешок (так называемые кинжалы) встречены как в позднеямных (Виноградники, кург. 1, погр. 3) [40, с. 7, рис. 2: 2], так и в раннекатакомбных (Аккермень, кург. 17, погр. 2) [41, с. 95, рис. 73: 16] погребениях.

Оба окончания длинного бронзового четырёхгранного стержня из производственного набора (рис. 4: Б2) впускного погребения 5 из Георгиевки притуплены в результате сработанности. В эпоху ранней–средней бронзы подобные бронзовые стержни нередко использовались в качестве отжимников и ретушеров для нанесения узко-выемчатой ретуши на заготовки кремневых наконечников стрел [42, с. 231]. Аналогичное орудие из катакомбного погребения на Нижнем Дону (Балабинский I могильник, кург. 37, погр. 13), входившее в состав производственного комплекса для изготовления кремневых наконечников и древков стрел, автором публикации трактуется как пробойник (отжимник) [43, с. 168–169, 183, рис. 8: 7]. В разнообразный набор инструментов донецкого катакомбного производственного комплекса из Артёмовска (кург. 2, погр. 3) также входил длинный четырёхгранный бронзовый стержень, но с заостренным насадом для фиксации в деревянной рукояти [44, с. 93, рис. 11: 12].

Дуговидное орудие, состоящее из рогового держака и изогнутого четырёхгранного стержня, закреплённого в специальном пазу, из производственного комплекса впускного погребения 5 кургана 10 у Георгиевки (рис. 5: 1) относится к редкому типу составных специализированных орудий для нанесения на кремневые изделия ретуши. Закрепление изогнутого бронзового стержня в специальном пазу держака обеспечивало ретушеру в процессе работы упругость, устойчивость и нанесение максимального точечного нажатия. В качестве орудий труда степное население Поднепровья эпохи ранней бронзы нередко использовало рубящие и режущие составные изделия из роговых держак и кремневых вкладышей – Каменское поле, кург. гр. 5, кург. 3, погр. 2 [45, с. 11, рис. 4: 3].

В захоронениях эпохи ранней и средней бронзы Нижнего Дона и правобережья Северского Донца изогнутые в дугу бронзовые четырёхгранные стержни встречаются только в составе производственных наборов инструментов для изготовления кремневых наконечников стрел. Наиболее ранний экземпляр такого стержня выявлен в Нижнем Подонье в позднеэнеолитическом погребении у хутора Нового (кург. 132, погр. 13) (рис. 6: 1) [46, с. 38–41, рис. 10: 8].

Два изогнутых стержня-ретушера найдены в захоронении донецкой катакомбной культуры в составе наборов инструментов для изготовления кремневых наконечников стрел. Один – встречен в кургане у хутора Черевков (кург. 1, погр. 5) на Северском Донце и сохранил фрагменты рукояти из узких намоток ремешка (рис. 6: 2) [47, с. 196, табл. VII: 6]. Второй – происходит из кургана у хутора Озерки на Нижнем Дону вблизи устья Северского Донца (могильник Керчик, кург. 16, погр. 15) и имеет узкий черешок для закрепления в деревянной рукояти (рис. 6: 3) [48, с. 20, 72, рис. 42: 7].

В производственных комплексах для изготовления кремневых наконечников стрел изогнутые в дугу бронзовые четырехгранные стержни (шилья-крюки) выявлены также в восточных регионах катакомбной культурно-исторической общности на территории Поволжья – у Новой Квасниковки (кург. 4, погр. 5) и Барановки I (кург. 20, погр. 1) [49, табл. XVI: 5, 7, табл. XXVII: 1].

Прямые аналоги составного орудия из Георгиевки известны в погребении 116 раннего бронзового века на доне у Залинейного на реке Орель. Здесь обнаружен производственный комплекс для изготовления кремневых наконечников и древков стрел, а в его составе – два (крупное и меньшее) составных дуговидных орудия из роговых державок и бронзовых изогнутых четырехгранных стержней (рис. 6: 4, 5) [50, с. 41–43, 46, рис. 1: 12, 13].

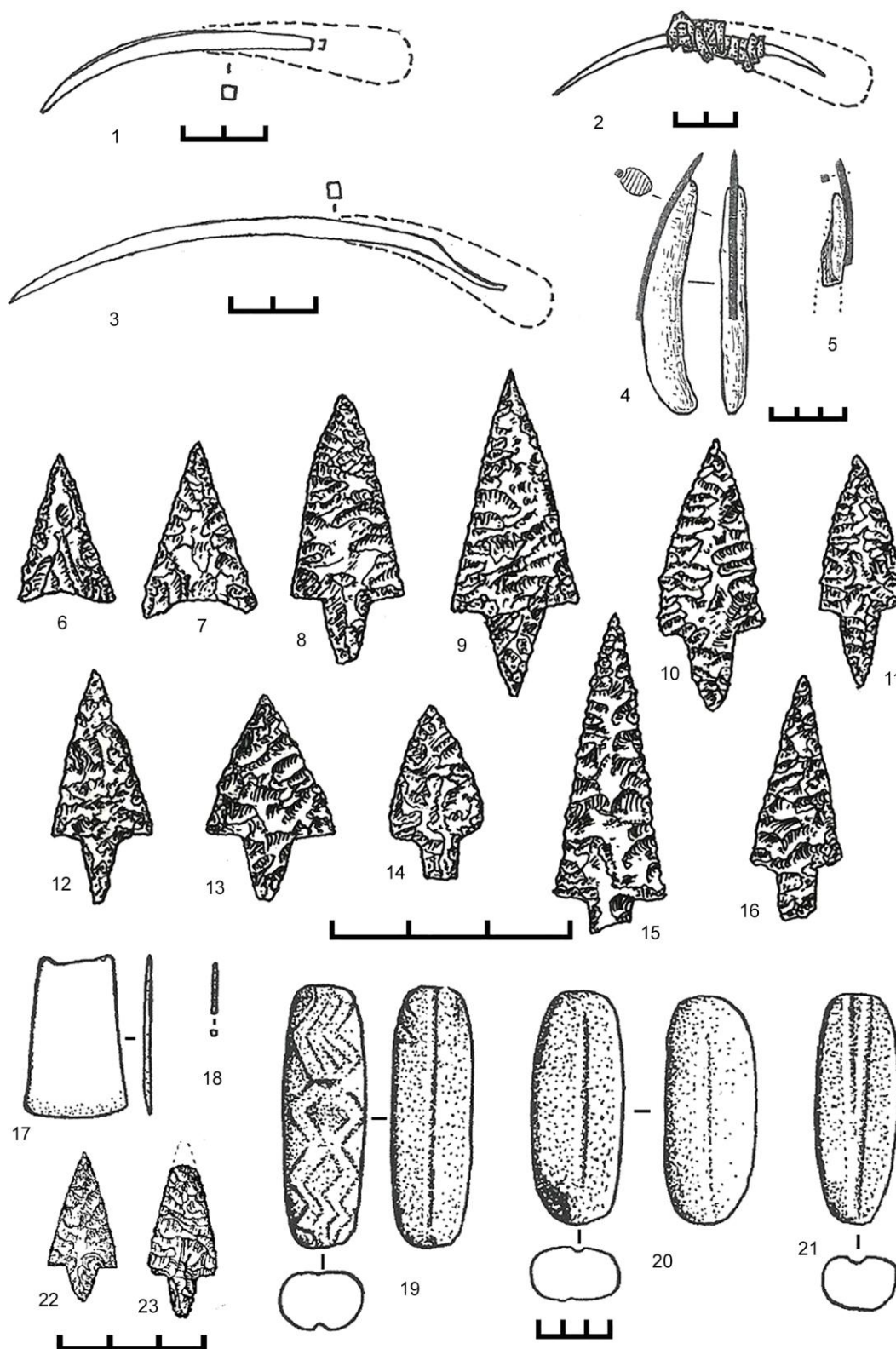

Рисунок 6 – Инвентарь погребений эпохи энеолита – средней бронзы:

1 – Новый, кург. 132, погр. 13; 2 – Черевков, кург. 1, погр. 5; 3 – Озерки, могильник Керчик, кург. 16, погр. 15; 4–21 – Залинейное, погр. 116; 22, 23 – Аккермень I, кург. 17, погр. 10

Готовая продукция производственного набора из впускного погребения у Георгиевки включала кремневые наконечники стрел двух типов – треугольной формы с ровным основанием (рис. 5: 5, 6) и треугольной формы с черешками (рис. 5: 2–4).

В Северном Причерноморье оба типа кремневых наконечников стрел впервые фиксируются среди древностей позднего мезолита и являлись следствием эволюции, как считает Л.Л. Зализняк, яниславицких острий. В предложенной исследователем схеме развития наконечников стрел с двух сторон обработанных струйчатой ретушью тип треугольных черешковых более поздний и следует за треугольными наконечниками с ровным основанием [51, с. 95]. Преобладающими в мезо-неолитических памятниках являлись подреугольные «степные» кремневые наконечники стрел с ровным или слегка вогнутым основанием, изготовленные в технике сплошного двустороннего ретуширования. Черешковые разновидности наконечников стрел этого времени более редкие [52, с. 51]. В степных культурах треугольные наконечники с ровным основанием более широкое распространение получили лишь с развитого этапа энеолита [53, с. 95, рис. 138].

В бассейне среднего течения Северского Донца треугольные наконечники стрел с ровным и слабовогнутым основанием встречены в энеолитическом слое дюнного поселения у Крейдянки около Балаклеи [54, с. 22–23] и в непосредственной близости от Георгиевского курганного могильника на поселении энеолита – ранней бронзы «Грушка» на реке Ольховая [55, с. 169, рис. 5: 3, 6].

Аналогичные типы изделий отмечены среди находок нижнего, среднего и верхнего слоёв Михайловского поселения на Нижнем Днепре [37, с. 126, рис. 36: 4–8; 38, с. 91, 167]. Обе разновидности прослежены в слоях энеолита–ранней бронзы на Нижнем Дону на поселениях у Красного Октября (Кириличное II) [56, с. 115, рис. 7: 7, 8], Ракушечного Яра (слой 2А) [57, с. 37, рис. 12: 9], Константиновки [58, с. 53, рис. 26: 4, 16] и Ливенцовки I [59, с. 213, рис. 2: 7, 8]. Они также представлены среди материалов поселений Стрыльча Скеля, Деревка, в Усатовском могильнике и на позднетрипольских памятниках [42, с. 244].

В классификации кремневых наконечников стрел, разработанной С.Н. Братченко, короткие треугольные наконечники с прямым основанием отнесены к архаической группе I, тип А, часто встречаемые среди материалов энеолитических памятников. В степной зоне Северного Причерноморья экземпляры данного типа датируются поздним энеолитом – ранней бронзой, средним и поздним бронзовым веком [42, с. 244]. Более широкое распространение получили треугольные наконечники стрел с неглубокой выемкой в основании (группа II, тип А), выявленные в небольшом количестве в захоронениях ямной культуры [42, с. 219–225, рис. 112: 1–6, рис. 133: 1–4, рис. 115: 1–4, 7–10] и в единичных случаях – в раннекатакомбных погребениях (Аккермень I, кург. 9, погр. 6) [41, с. 50, рис. 34: 10]. Два кремневых треугольных наконечника с неглубокими выемками в основании зафиксированы совместно с черешковыми изделиями в захоронении 116 у Залинейного на реке Орель (рис. 6: 6, 7) [50, с. 46, рис. 1: 8].

Тип кремневых треугольных черешковых наконечников стрел, аналогичный представленным в погребении 5 кургана 10 Георгиевского могильника (рис. 5: 2–4), был объектом изучения С.Н. Братченко. В соответствии с его классификацией наконечники из Георгиевки можно разделить на две группы: из них два наконечника (рис. 5: 3, 4) относятся к ранней группе III, тип А, вариант 1 (энеолит – ранняя бронза) – симметричные изделия с прямыми сторонами, т.е. треугольной и подтреугольной формы, а один (рис. 5: 2) – к группе III, тип Е (башенно-листовидная форма), распространенный более широко как среди памятников ранней, так и средней бронзы [42, с. 248]. В эпоху средней и поздней бронзы преобладали наконечники сердцевидные и башенно-листовидные с различной конфигурацией черешков [42, с. 247–249].

В редких случаях треугольные черешковые кремневые наконечники стрел отмечены на Кавказе в материалах поселения Мешоко и среди древностей куро-аракской культуры, в бассейне Северского Донца – на энеолитическом поселении Александрия и со сборов на дюнных местонахождениях близ Изюма, в ряде ямных захоронений раннебронзовой эпохи Северного Приазовья, Среднего и Нижнего Поднепровья [42, с. 219–231]. Подтреугольные наконечники стрел с короткими и четко выделенными черешками у ровного основания происходят, вероятно, и из верхнего слоя Михайловского поселения на Нижнем Днепре [38, с. 167–168]. При этом, по замечанию С.Н. Братченко, в виду многослойности поселения у Михайловки, где выявлено 24 кремневых наконечников стрел на площади 9600 м², авторы раскопок не имели возможности четко разграничить все находки по горизонтам и в публикации совместно представили наконечники из среднего и верхнего слоев [42, с. 226].

Кремневые черешковые треугольные наконечники стрел из захоронений Северского Донца, Среднего и Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Приазовья преимущественно обнаружены в доянных погребениях. Так, треугольный наконечник стрелы с черешком найден на правом берегу Северского Донца в погребении с вытянутым костяком у Бирюково (кург. 1, погр. 5) [4, с. 169, рис. 96: 5]. Аналогичный наконечник, совместно с бронзовым ножом, выявлен А.А. Бобринским в Среднем Поднепровье при раскопках курганов в Черкасском уезде близ Смелы – прямоугольная могильная яма размером 1,9 × 0,97 м со скорченным на спине окрашенным охрой костяком с коленями влево, ориентированным на юго-восток (кург. DXXI, погр. 8) [60, с. 96–97, рис. 4, рис. 5]. Бронзовый нож из Смелы относится к редкому типу ножей-бритв с расширяющимся окончанием клинка, имеющем уплощенный срез. Такие специфические формы на Северном Кавказе принадлежат майкопским древностям, а в Северном Приазовье и степном Поднепровье зафиксированы в древнеямных комплексах [61, с. 40–43].

Два треугольных черешковых наконечника (рис. 6: 22, 23) происходят из основного погребения в Северо-Западном Приазовье – Аккермень I, кург. 17, погр. 10 (прямоугольная яма размером 2 × 1,15 м, посыпанный

охрой костяк взрослого с западной ориентацией в скорченном положении на спине с завалом колен влево) [41, с. 96, 124, рис. 74: 29], по обрядовым признакам идентичному захоронению из Георгиевки (кург. 10, погр. 5). Сразу девять экземпляров черешковых треугольных наконечников стрел встречены в уже упомянутом погребении 116 у Залинейного (рис. 6: 8–16) [50, с. 46, рис. 1: 8]. Из них шесть наконечников (рис. 6: 8–13), выделяются выразительными треугольными черешками в виде шипов (ранняя черешковая группа III, тип А, вариант 1 по классификации С.Н. Братченко), имеющими прямые соответствия с наконечниками из Аккормени I, кург. 17, погр. 10 (рис. 6: 22, 23). Черешки трех наконечников из Залинейного демонстрируют четкую узкую прямоугольную форму (рис. 6: 14–16) – деталь, не получившая отражение в классификации С.Н. Братченко. Исходя из системной логики исследователя в построении классификации наконечников стрел, такие изделия могут быть объединены в самостоятельный тип и размещены в промежуточном месте группы III между типом В (треугольные наконечники с коротким и широким треугольным черешком) и типом С (треугольные наконечники с коротким подпрямоугольно-трапециевидным черешком) [42, с. 248]. В общих чертах треугольные наконечники стрел из Залинейного со слегка вогнутым основанием и черешкового типа отличаются архаическими признаками, более характерными для эпохи энеолита – ранней бронзы.

К числу единичных случаев следует отнести находку треугольного черешкового наконечника в позднем ямном погребении в Нижнем Поднепровье у Марьевки (кург. 8, погр. 3), где он обнаружен непосредственно в костях умершего [62, с. 71, 76, рис. 7: 4].

В погребальном обряде эпохи энеолита – ранней бронзы даже одиночным кремневым наконечникам стрел придавался особый статус и отводилось особое место на дне могил. В захоронении 13 Александровского энеолитического могильника наконечник стрелы найден у стоп погребенного, размещенного в сидячей позе [36, с. 26, рис. 9: 1]. В парном энеолитическом захоронении с вытянутыми на спине костяками в Донецком Приазовье (Шахтерск, кург. 2, погр. 9) один наконечник оставлен под кистью правой руки костяка II, а второй – под его правой стопой [63, с. 133, рис. 7: 1, 3]. В погребении у Смелы (кург. DXXI, погр. 8) кремневый наконечник стрелы уложен около кисти правой руки взрослого костяка [60, с. 97]. В ямном захоронении у Троицкого в Северо-Западном Приазовье (кург. 3, погр. 33) кремневый наконечник стрелы обнаружен перед головой умершего непосредственно под лобной костью [64, с. 157, рис. 115]. В погребениях у Бирюково (кург. 1, погр. 5) [4, с. 169, рис. 9б: 5], Аккормени I (кург. 17, погр. 10) [41, с. 124] и Марьевки (кург. 8, погр. 3) [62, с. 71, 76, рис. 7: 4] наконечники не являлись сопровождающим инвентарем и выявлены среди костей поясничного отдела позвоночника, т.е. были орудиями смертельных ранения, оставленными в телах.

Ближайшая к бассейну Северского Донца концентрация кремневых треугольных наконечников стрел с треугольными шиповидными черешками отмечена в пределах центральной части Русской равнины в среде ранних древностей фатьяновской культуры московско-клязьменской и окско-десненской групп, а также в составе соседствующим им памятников среднеднепровской культуры среднего течения Днепра. Треугольные наконечники стрел этих территорий выделяются приостренными треугольными черешками-шипами и очень качественно выполнены отжимной струйчато-фасеточной ретушью [65, с. 69, рис. 26: 1–4, с. 70–71]. По своему типу они почти идентичны наконечникам из Залинейного, погр. 116 (рис. 6: 8–16) и Аккормени I, кург. 17, погр. 10 (рис. 6: 22, 23). Такие же наконечники стрел известны на Десне и Соже [66, с. 174]. Ряд близких культурных традиций фатьяновского и среднеднепровского населения, по мнению Н.Н. Бондаря, делают культуру Среднего Поднепровья в эпоху ранней бронзы достаточно своеобразной и самобытной [67, с. 154–155].

Более поздние удлиненные типы черешковых кремневых наконечников стрел присутствуют в погребениях ранней катакомбной культуры Северского Донца, Нижнего Дона, Нижнего Поднепровья и Предкавказья [42, с. 231]. Совместная находка трех удлиненных треугольных наконечников стрел (черешкового, с ровным основанием и с узкой выемкой в основании) отмечена в раннекатакомбном захоронении в кургане у Таганрогского залива (могильник «Бессергеевский III», кург. 8, погр. 5) [68, с. 79, рис. 9: 2–4]. Близкий состав удлиненных треугольных наконечников (черешковый, с узкой выемкой в основании и со скошенным основанием) отмечен в раннедонецком погребении у Новоникольского (кург. 1, погр. 5) в Среднем Подонцовье [42, с. 125, рис. 115: 33–35].

В вопросах территориального распространения и сравнительно-типологического анализа кремневых треугольных наконечников стрел с двусторонней обработкой поверхности ретушью следует учитывать обстоятельство их локальной фиксации, минуя значительные промежуточные пространства, т.е. чересполосную встречаемость. Повторяемость мельчайших деталей форм кремневых треугольных наконечников стрел, выявленных на отдаленных территориях, по замечанию Н.Н. Гуриной, может объясняться не только результатами межкультурных взаимодействий, но и процессом конвергенции, целесообразностью и рациональностью использования древним населением наиболее удобных форм наконечников, максимально эффективным образом обеспечивающих полет, направление и проникновение стрел [69, с. 60–61].

Прочий кремневый материал из набора у Георгиевки (кург. 10, погр. 5) включал заготовки наконечников стрел на отщепах и сколах, подовальные и подокруглые отщепы, осколки и обломки, которые могли служить исходной продукцией для заготовок или же быть отходами производства.

В качестве самостоятельной категории инвентаря можно рассматривать изделие из охры аморфной формы, найденное у изголовья погребенного во впускном захоронении у Георгиевки. В массовом виде (до 70%) аналогичные изделия начинают фиксироваться преимущественно около изголовья в погребениях постмарипольской культуры [7, с. 40–42].

Примечательно, что все производственные орудия, готовая продукция и заготовки были размещены в погребении 5 кургана 10 у Георгиевки компактной массой, что даёт основание считать их первоначальное на-

хождение в специальной таре типа сумки или мешочка. Контуры подобных мешочков с производственными инструментами, как считает С.Н. Братченко, присутствуют на некоторых каменных антропоморфных стелах эпохи раннего металла Северного Причерноморья [70, с. 73, рис. 3: 2]. В захоронениях наборы орудий для изготовления кремневых наконечников стрел совместно с готовой продукцией могли содержаться в специальных сумках-футлярах с наплечными ремнями, представляющих характерные для Переднего Востока колчаны [10, с. 51]. Изображения последних фиксируются на каменных антропоморфных стелах, а остатки найдены непосредственно в погребениях [42, с. 259, 261, рис. 131: 2, 3].

Нередко на энеолитических поселениях, террасах или дюнах в условиях минимальной локализации отмечены скопления-клады, состоящие из комплектов кремневых производственных инструментов или однотипных предметов, предназначенных для обмена (Гончаровка, Крейдянка, Серебрянское, Игрень, Старый Орлик, Перевозные хутора) [71, с. 54–56]. В таком же компактном виде в мешочках или сумках орудия кремнеобработки встречаются в качестве кладов эпохи ранней бронзы – поселение Дюнное-5 на Дону [39, с. 47, рис. 1, рис. 2].

Традиция помещать в погребения специализированные наборы кремнеобрабатывающего производства в бассейне Северского Донца появилась в эпоху энеолита. В энеолитических захоронениях Александровского могильника на реке Лугань (кург. 1, погр. 6) встречены роговые отжимники, отбойники из гальки, ножевидные пластины и обломки [36, с. 22–23, рис. 6], а в погребении другого кургана этого же могильника (кург. 9, погр. 40) – кремневая пластина с двусторонней ретушью, пять костяных орудий в форме стержней (отжимники) и два кремневых наконечника флажковидной асимметричной формы с двусторонней ретушью [10, с. 37, рис. 6]. Многочисленные случаи сопровождения погребенных комплектами инструментов для изготовления кремневых наконечников и древков стрел, готовой продукцией и сырьём наблюдаются в захоронениях ямной и катакомбной культур раннего и среднего бронзового века на Северском Донце, в Северном Приазовья, на Нижнем Дону, в Поднепровье и Предкавказье [72, с. 27–29].

Состав фиксируемых комплектов инструментов производственных наборов из погребений ранней–средней бронзы почти никогда не отображает полный цикл изготовления кремневых наконечников стрел. Многие орудия труда в родовом обществе были полифункциональными и предназначались для выполнения нескольких рабочих операций. Их нахождение в захоронениях эпохи ранней–средней бронзы, с одной стороны, демонстрирует поступательное развитие ремесленной деятельности, а с другой – может отражать профессиональную принадлежность умершего или же в контексте погребальной обрядности свидетельствовать о его высоком социальном положении среди соплеменников, поскольку стрелы всегда несли особую семантическую значимость в общественной жизни и религиозных воззрениях [72, с. 57–64].

Следует отметить, судя по особенностям инвентаря, культурную близость и синхронность впускного погребения из Георгиевского могильника (кург. 10, погр. 5) и погребения 116 из Залинейного (костики в последнем разрушены землеройными животными). В производственных наборах из этих захоронений присутствуют идентичные дуговидные составные орудия из роговых державок с пазами и бронзовых изогнутых четырёхгранных стержней (рис. 5: 1; рис. 6: 4, 5), бронзовые прямые четырёхгранные стержни-отжимники (рис. 4: B2; рис. 6: 18) и кремневые треугольные наконечники стрел близких типов (рис. 5: 2–6; рис. 6: 6, 7, 14–16). Если в георгиевском наборе обработка древков стрел могла осуществляться при помощи кремневого ножа (рис. 4: B1), то в комплексе из Залинейного – бронзовым теслом (рис. 6: 17) с последующей доводкой песчаниковыми желобчатыми абразивами (рис. 6: 19–21). Комплект кремневых изделий погребения 116 из Залинейного более разнообразен. И.Ф. Ковалёва выделяет в нём специализированные орудия деревообработки, необходимые для изготовления древков стрел и луков. Среди них – топоры-клинья, долота, стамески и резцы, а также кремневые орудия для обработки кожи (скребки, скобели, ножи-резчики), уместные для изготовления колчанов [50, с. 42].

Захоронение 8 кургана 10 из Георгиевского могильника маркирует группу из 11 позднеэнеолитических погребений правобережья среднего течения Северского Донца, характеризующуюся основным положением в курганах, прямоугольными могильными ямами средних размеров 1,9 × 1 м с деревянным перекрытием, незначительными глубинами дна могил (в пределах 0,6–0,8 м), вытянутым на спине положением умерших, ориентированных на северо-восток. Имеют место каменные заклады над захоронениями и кольцевидные ровики вокруг могил. Прослежен обряд двухуровневого (ярусного) погребения. Все кости окрашены охрой, в частности – грудь, таз, бёдра и стопы.

Инвентарь лимитирован. В захоронении у Бирюково (кург. 1, погр. 5) найден кремневый треугольный черешковый наконечник стрелы, а в погребении из Кондратовки (кург. 2, погр. 1) – 36 костяных бусин-пронизок. В отличие от орельско-самарских и североприазовских типов они изготовлены не из рёбер, а трубчатых костей животных, имеют узкую цилиндрическую, а не восьмёрковидную или крестовидную форму, вместо боковых сегментовидных отверстий – непарные полукруглые вырезы.

Вытянутые подкурганые захоронения с восточной ориентировкой степной зоны Северного Причерноморья исследователи включают в число наиболее ранних [11, с. 68; 13, с. 40; 61, с. 52]. Им близки вытянутые на спине костики, ориентированные на север, в погребениях, совершенных в больших ямах, сопровождающиеся возведением крупных курганных насыпей – Спасское XIV, кург. 1, погр. 10; Хащевое, кург. 2, погр. 3, кург. 5, погр. 6 [11, с. 66], Шахтерск, кург. 2, погр. 9 [63, с. 133, рис. 7].

На Нижнем Дону захоронения с вытянутыми костиками с восточной ориентировкой относятся к позднему энеолиту и иллюстрируют особенности одной из подгрупп 1 обрядово-стратиграфической группы древнейших подкурганых захоронений [22, с. 480; 23, с. 62].

Группа основных вытянутых захоронений правобережья Северского Донца с северо-восточной ориентировкой погребенных может быть синхронизирована с начальным этапом распространения на Северском Донце и в Нижнем Подонье среднестоговских и репинских памятников и датирована временным интервалом в пределах 3700–3500 гг. до н.э., соответствующему периоду формирования майкопской культуры и предшествующему распространению в Подонцовье и на Нижнем Дону финальных среднестоговских и поздних константиновских памятников [73, с. 78–79]. На территории Северского Донца и Нижнего Дона вытянутые древнейшие подкурганые погребения маркирует окончание эпохи позднего энеолита и первичного утверждения практики курганного обряда захоронений.

Впускное погребение из Георгиевки (кург. 10, погр. 5) выделяет массив основных и впускных захоронений эпохи ранней бронзы, совершённых в прямоугольных ямах (средние размеры 1,8 × 1,15 м) с деревянными перекрытиями. Погребенные с западной ориентацией размещены в скорченном положении на спине с коленями ног вверх, руки – вытянуты вдоль туловища. Порошком охры окрашены детали части тела – голова, руки, стопы.

Данные обрядовые признаки представляют серию захоронений доянного периода Нижнего Подонья, сопоставимую по ряду параметров с 4 обрядово-стратиграфической группой погребений эпохи ранней бронзы со скорченными на спине костяками с западной ориентацией [22, с. 481].

На архаический характер впускного погребения из Георгиевки в группировке всех ямных захоронений Северского Донца и Нижнего Дона указывают находки кремневого ножа на пластине и треугольных наконечников стрел с ровным основанием. Особенности прочего инвентаря из этого захоронения демонстрируют почти прямую культурную тождественность с погребением 116 раннего бронзового века из Залинейного. В последнем выявлено бронзовое короткое тесло (рис. 6: 8) специфического раннего типа, которое С.Н. Братченко включил в особую первую группу бронзовых тёсел, своими короткими пропорциями отличающуюся от майкопских, позднетрипольских и раннеямных, иллюстрирующую местную доянную серию изделий [61, с. 47–52].

Хронологический диапазон захоронений в ямах со скорченными на спине костяками с западной ориентацией может быть определен, с учетом наличия в погребении 116 из Залинейного раннего типа короткого бронзового тесла, а в захоронении близ Смелы (кург. DXXI, погр. 8) – кремневого треугольного черешкового наконечника стрелы и бронзового ножа-бритвы майкопского типа, в рамках начала раннебронзового века, периода распространения в Подонцовье подкурганых захоронений александровского типа с майкопско-новосвободненскими признаками [32, с. 133], предшествующего раннеямной культуре, сложение которой по радиоуглеродным датам Среднего и Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья приходится на 33–32 вв. до н.э. [74, с. 28–29]. Для погребения александровского типа из Сватово (кург. 12, погр. 1) получена калиброванная дата 3476 ± 99 гг. до н.э. [30, с. 169]. Учитывая общие рамки угасания майкопско-новосвободненской общности в пределах 3400–3000/2900 гг. до н.э. [75, с. 72], широкую экспансию майкопской культуры и распространение новосвободненских древностей ближе к финалу общего периода 3500–3200 гг. до н.э. [73, с. 72], впускное погребение из Георгиевского могильника (кург. 10, погр. 5) может быть синхронизировано со временем распространения в Подонцовье погребений александровского типа и датировано в диапазоне 3500–3200 гг. до н.э.

Выводы

Основное погребение (кург. 10, погр. 8) из Георгиевского могильника соответствует массиву вытянутых захоронений с восточной ориентацией постмариупольской культуры региона степного Поднепровья и Северного Приазовья эпохи позднего энеолита и конкретизирует особенности ее погребальной обрядности, допускающей ярусный характер захоронений. Вся рассмотренная донецкая группа постмариупольских захоронений отличается позднейшими признаками (исключительно северо-восточная ориентировка погребенных, фигурные пронизи с непарными вырезами из трубчатых костей) и демонстрирует одну из финальных волн распространения в восточном направлении постмариупольского населения позднего энеолита, утвердившую местную практику возведения курганых сооружений.

Впускное погребение (кург. 10, погр. 5) из Георгиевского могильника проявляет ряд общих признаков с 4 обрядово-стратиграфической группой доянных курганых захоронений раннего бронзового века Нижнего Подонья (скорченные на спине костяки с западной ориентацией) и представляет в выраженном виде переходные к раннеямному периоду погребальные традиции, ставшими ведущими на этапе сложения ранней ямной культуры.

Список источников:

1. Хромова О.В., Шерстнев Я.О., Сиденко С.И. Отчёт о спасательных археологических раскопках курганов 9 и 10 у п.г.т. Георгиевка Лутугинского района ЛНР в 2021 г. // Научный архив Луганского краеведческого музея.
2. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII Археологического съезда. М., 1907. С. 211–355.
3. Кравец Д.П., Посредников В.А., Литвиненко Р.А. Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в Донбассе. Донецк: ДонГУ, 1991. 100 с.
4. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. 196 с.
5. Кульбака В., Качур В. Індієвропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь: МГІ, 2000. 80 с.
6. Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины. Енакиеве, 1998. 220 с.

7. Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск: ДГУ, 1984. 116 с.
8. Ковалева И.Ф., Потехина И.Д. Новые энеолитические постмариупольские погребения Приорелья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1991. С. 50–68.
9. Ковалёва И.Ф. «Вытянутые» погребения из раскопок В.А. Городцовым курганов Донетчины в контексте постмариупольской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: СГПУ, 2001. С. 20–24.
10. Братченко С.Н., Балонов Ф.Р., Гершкович Я.П. Древнейшая группа погребений Александровского кургана № 9 на р. Лугань // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 3. Луганск: ВНУ, 2004. С. 30–74.
11. Ковалёва И.Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурной общности эпохи энеолита // Курганные Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск: ДГУ, 1979. С. 61–70.
12. Телегін Д.Я. До питання про культурну атрибуцію поховань постмариупольського типу та виділення так званої «квітнянської культури» в степовому енеоліті України // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ: ДГУ, 1999. С. 61–69.
13. Рассамакин Ю.Я. Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 31–43.
14. Рассамакин Ю.Я. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка, 1988. С. 14–27.
15. Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969. 328 с.
16. Санжаров С.Н., Подобед В.А. Исследование кургана 3 у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. Вып. 2. Луганск: ВУГУ, 1992. С. 33–43.
17. Константинову Л.Ф., Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Евлевский А.В. Культурно-хронологическая характеристика погребений Октябрьского могильника на Северском Донце // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. Вып. 2. Луганск: ВУГУ, 1992. С. 8–19.
18. Санжаров С.Н., Посредников В.А. Отчёт о работах Северскодонецкой экспедиции Донецкого госуниверситета в 1985 году // Научный архив Института археологии НАНУ. Ф.э. 1985/35.
19. Потапов В.В. Раскопки курганов в зонах реконструкции и строительства магистральных газопроводов // Аксайские древности. Ростов-на-Дону: АНИБ, 2002. С. 271–305.
20. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. М., 1968. 84 с.
21. Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974. 20 с.
22. Файферт А.В. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов-на-Дону, 2014. 500 с.
23. Файферт А.В. Ранний этап ямной культуры эпохи бронзы Нижнего Подонья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ростов-на-Дону, 2017. 161 с.
24. Трифионов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.
25. Ковалева И.Ф. Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск: ДГУ, 1984. С. 25–43.
26. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: СГУ, 1990. 160 с.
27. Васильев И.Б. Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. М.: ГИМ, 2003. С. 55–58.
28. Березовец Д.Т., Покровська Е.Ф., Фурманська А.І. Кургани епохи бронзи поблизу с. Мар'янського // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. IX. С. 102–126.
29. Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука, 1991. 136 с.
30. Братченко С.Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н.е. та майдани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 2. Луганск: ВНУ, 2004. С. 134–228.
31. Клименко В.Ф. Курганные древности Северского Донца. Енакиево, 1997. 320 с.
32. Санжаров С.Н., Черных Е.А. Курганы эпохи бронзы левобережья Среднего Подонья: монография. Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2025. 208 с.
33. Черных Е.А. К проблеме хронологии ямных погребений Северского Донца // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: тез. докл. науч. конф. Луганськ, 2005. С. 53–54.
34. Братченко С.Н. Могилы бронзової доби в басейні р. Деркул // Матеріали та дослідження по археології Восточной Украины. Вып. 1. Луганск: ВНУ, 2003. С. 162–225.
35. Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 182 с.

36. Братченко С.Н., Константинову Л.Ф. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 17–31.
37. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1962. 248 с.
38. Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры (экология, жилища, орудия труда, система жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.
39. Гудименко И.В., Дмитриенко М.В. Клад кремневых и каменных изделий эпохи бронзы на территории поселения «Дюнное-5» у станицы Старочеркасская // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону: ДАО, 2009. С. 46–49.
40. Кульбака В.К., Качур В. Соматичні культури бронзового віку півдня Східної Європи. Маріуполь: МГІ, 1998. 60 с.
41. Вязьмітіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. VIII. С. 22–135.
42. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века / под ред. Я.П. Гершковича, С.Н. Санжарова. Киев: Видавничий дім «Скіф», 2012. 308 с.
43. Смирнов Ю.А. Погребения мастеров – изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. М.: Наука, 1983. С. 164–186.
44. Кравец Д.П., Татаринов С.И. Новые катакомбные памятники Бахмутского края // Донецкий археологический сборник. Вып. 7. Донецк: ДонГУ, 1997. С. 77–115.
45. Андросов А.В., Яременко И.И., Мартюшенко Д.В. Курганы эпохи энеолита – бронзового века Каменского поля // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1990. С. 4–22.
46. Ильюков Л.С. К вопросу о кенотафах эпохи энеолита // Донские древности. Вып. 2. Азов, 1991. С. 37–47.
47. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII Археологического съезда. М., 1905. С. 174–225.
48. Парусимов И.Н. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 4. Азов, 1999. 85 с.
49. Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2002. 268 с.
50. Ковалёва И.Ф. К вопросу о развитии ремесла в эпоху бронзы // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск: ДГУ, 1983. С. 40–47.
51. Зализняк Л.Л. Об остриях с микрорезцовым сколом в мезолите Северной Украины // Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978. С. 89–97.
52. Телегин Д.Я. К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978. С. 35–57.
53. Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: ВНУ, 2006. 486 с.
54. Клименко В.Ф., Цимбал В.И. Древности Донецкого края. Енакиево, 2002. 56 с.
55. Бритюк А.А., Черных Е.А., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н. Энеолитические памятники в пойме реки Ольховой на Луганщине // Археологические записки. Вып. 3. Ростов-на-Дону: ДАО, 2003. С. 163–176.
56. Цыбрий А.В., Трубников В.В. Новые сборы у хутора Красный Октябрь на левобережье Маныча // Археологические записки. Вып. 3. Ростов-на-Дону: ДАО, 2003. С. 105–117.
57. Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., Цыбрий С.В. Исследования 2-го и 3-го слоёв поселения Ракушечный Яр в 2016 г. // Археологические записки. Вып. 10. Ростов-на-Дону: ДАО, 2019. С. 10–67.
58. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994. 132 с.
59. Братченко С.Н. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. 1969. Вип. XXII. С. 210–231.
60. Бобринский А.А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1911 году // Известия Археологической комиссии. № 49. СПб., 1913. С. 89–100.
61. Братченко С.Н. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск: ВНУ, 1996. С. 32–57.
62. Самоilenко Л.Г. Курганы ямной культуры в бассейне р. Базавлук в Днепровском степном правом берегу // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка, 1988. С. 64–79.
63. Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Вып. 1. Луганск: ВНУ, 2003. С. 122–161.
64. Клейн Л.С. Курганы біля с. Троїцького // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. VIII. С. 141–162.
65. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М.: Наука, 1972. 276 с.
66. Артеменко И.И. Бельнецкий могильник (раскопки 1970–1971 гг.) // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 155–175.
67. Бондарь Н.Н. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев: Вища школа, 1974. 176 с.
68. Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е. Раскопки курганов на побережье Таганрогского залива // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону: ДАО, 2009. С. 74–93.
69. Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978. С. 57–70.

70. Братченко С.Н. Лук і стріли доби енеоліту – бронзи півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. С. 70–82.
71. Бритюк А.А. Энеолитические «клады» или «производственные наборы»? // Древности Северского Донца. Вып. 5. Луганск: Шлях, 2001. С. 54–68.
72. Санжаров С.Н. Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины: монография. 2-е изд., испр. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2008. 84 с.
73. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: СГПУ, 2001. С. 71–82.
74. Телегин Д.Я., Ковалюх Н.Н. Об абсолютном возрасте и периодизации памятников ямной культуры по радиоуглеродным данным // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону: ДАО, 2005. С. 24–29.
75. Корневский С.Н. О ранних и поздних датах майкопско-новосвободненской общности, а также дискуссиях вокруг них // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 69–75.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Санжаров Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и историко-правовых дисциплин, руководитель археологического центра «Наследие»; Луганский государственный университет имени Владимира Даля (г. Луганск, Россия). E-mail: sansn58@yandex.ru.</p> <p>Хромова Ольга Владимировна, начальник отдела надзора, охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия; Министерство культуры Луганской Народной Республики (г. Луганск, Россия). E-mail: hromovaolga89@yandex.ru.</p>	<p>Sanzharov Sergey Nikolaevich, doctor of historical sciences, professor, head of Constitutional Law and Historical and Legal Disciplines Department, head of the Heritage Archaeological Center; Lugansk Vladimir Dahl State University (Lugansk, Russia). E-mail: sansn58@yandex.ru.</p> <p>Khromova Olga Vladimirovna, head of Supervision, Protection, Preservation and Use of Cultural Heritage Objects Department; Ministry of Culture of Lugansk People's Republic (Lugansk, Russia). E-mail: hromovaolga89@yandex.ru.</p>

Для цитирования:

Санжаров С.Н., Хромова О.В. Погребения доячного времени Георгиевского могильника на правом берегу Северского Донца // Самарский научный вестник. 2026. Т. 15, № 1. С. 84–102. DOI: 10.55355/snv2026151203.